

Само это понятие не так давно вошло в русский язык, хотя практика «гражданского журнализма» была, конечно, гораздо раньше. Можно вспомнить диссидентскую «Хронику текущих событий», почти самодельные газеты времён Перестройки... Кроме «больших» информагентств и государственной пропаганды, существует «низовая» активность людей, рассказывающих своему окружению и всем

Гражданская журналистика: понятие, направления, субъекты

Артём Марченков,
философ, правозащитник,
медиа-активист, активист
Молодёжного Правозащитного
Движения,
эксперт Пермской
Гражданской Палаты,
Рим,
artem.marchenkov@gmail.com

заинтересованным о том, что происходит. Сам такой рассказ — это и объяснение, как понимать и оценивать происходящее. Для многих людей уже давно неинституционализированные медиа стали основным источником общественно-политической информации. Доклад позволяет лучше осмыслить, как и почему это происходит.

5 июля 2011 года в московской гостинице «Турист» пошло собрание участников Сети Гражданской Журналистики (СГЖ) из России, Украины и Беларуси. Были, разумеется, не все: кто-то на пару часов вырвался с Летней школы по правам человека МХГ/МВД, кто-то — ехал на тверской Social Camp (неформальная конференция сетевых активистов), кто-то — специально вырвался с работы.

Для начала решили разобраться с совершенно размытыми определениями гражданской журналистики и ожиданиями, которые вкладываются в это понятие медийщиками, экспертами третьего сектора, блоггерами, академическими исследователями.

Сделать обстоятельный сравнительный анализ термина и его узуса в словаре современной публичной сферы — это отдельная, сама по себе очень любопытная задача. Но в нашем случае речь шла о выборе прикладного, прагматического концепта и той модели гражданского журнализма, которую Сеть намерена исповедовать.

После обсуждения обиходных оттенков смысла понятия на флип-чарте остались следующие варианты.

Гражданская журналистика — это журнализм непрофессионалов

Такая трактовка не нова. Достаточно вспомнить диссидентский, правозащитный, литературный, рок-андерграундный самиздат в эпоху СССР, бум малотиражной прессы в начале 1990-х или щедрые авансы светлого будущего, выдаваемые теоретиками партиципативной журналистики (коммунитарные медиа, журналистика участия, grassroots journalism и др.) тем СМИ, что отказывались от монополии профессионалов на производство социально-значимой информации и передоверяли роль поставщиков новостей, мнений, интерпретаций самим гражданам, то есть тем, кто, по идее, является главным ньюсмейкером в демократическом государстве.

В английском языке этот феномен получил название «citizen journalism». С его помощью маркируют медиа-активность разрозненного класса фрилансеров (репортёров, аналитиков и колумнистов, не состоящих в штате редакций, но сотрудничающих со СМИ), продукцию публичных интеллектуалов, явочным порядком создающих те или иные медиаресурсы (главным образом, в сети Интернет), а также виртуальную

среду общения обывателей, которая, согласно прогнозам экспертов, к 2021 году займёт порядка 50% новостного поля.

В этом предельно широком значении гражданским журналистом кличут любого блоггера, пользователя социальных сетей, постоянного комментатора онлайн-новых публикаций, случайного свидетеля, задокументировавшего какое-либо происшествие. Ведь их тексты, видео или фотографии адресованы неограниченному кругу лиц, а у отдельных записей бывает аудитория, сопоставимая с суточным трафиком иного информерагентства.

Сужая рамки понятия, гражданскими журналистами можно считать только наиболее успешных киберкоммуникаторов («тысячники»), де-факто занимающихся журналистикой, но обходящихся без аккредитаций, зарплат и гонораров. Эти люди — видимая часть «вирусного редактора», помогающего отделить зёрна важных сообщений от плевел спама, частностей или второстепенностей, порождаемых солярисом «глобальной деревни».

Практика других стран показывает, что «citizen journalism» — это начальная фаза институционализации «новых медиа» и появления новых профессий на их платформах.

Гражданская журналистика — это малая пресса

В атомизированном, асинхронном, постмодернистском обществе информационное поле не прошло никакими сквозными метанарративами (идеологиями, «гражданской религией» и т. д.), и потому распадается в соответствии с потребностями и установками небольших групп интересов.

Этот тип журналистики называют гиперлокальной, то есть ориентированной на события, значимые лишь для узкого круга (жителей микрорайона, поклонников какой-либо рок-группы, коллекционеров, носителей экзотических увлечений и др.). По сути, малая пресса обслуживает внутренние коммуникации людей, объединённых общим признаком, реинтерпретирует внешние события через призму их когнитивного фильтра (фрейминг) и мобилизует на конкуренцию с другими «моральными общинами», выдавая групповые нормы в качестве кандидатов на статус универсальных гражданских ценностей.

Ставка на малотиражные гуманитарные журналы, фэнзины, альманахи для гражданского общества была актуальна, когда СМИ игнорировали инфо-

поводы социальных движений и НПО, побуждая их к прорыву информационной блокады своими средствами.

Гражданская журналистика — это труд социально-ангажированных журналистов, добровольно содействующих реформам и прогрессу.

Подобная трактовка восходит к началу 1990-х годов, к периоду так называемого демократического транзита, когда отсутствие структурированного гражданского общества компенсировалось наличием СМИ, добровольно взявших на себя роль критика и разоблачителя преступлений власти, трибуны «немых масс», просветителя, развешивающего в среде дезориентированной публики путеводные звёзды для перехода в иное социально-политическое, экономическое, гуманитарное состояние.

В ту пору действительно был массовый приток в журналистскую профессию энергичных, образованных, этически мотивированных дилетантов: во множестве регистрировались новые печатные издания, из ничего рождались радиостанции и телеканалы, населялся пользователями русскоязычный Интернет. Воодушевление было столь сильным, что казалось, будто гласность и свобода печати — едва ли не единственное условие пропуски в идеальное будущее. Даже возросшие риски стать жертвой коррупции не останавливали пассионарность «пишущего сословия», верящего в магию слова, в желание людей жить не по лжи, знать правду, ценить инакомыслие.

Дальнейший ход истории скорректировал романтический взгляд на социальную роль прессы. Четвёртая власть не сумела отстоять свою автономию. Но сохранились люди, которые по принципиальным соображениям отказывались воспринимать масс-медиа как специфический сервис для удовлетворения утилитарных запросов целевых групп, как витрину для сбыта населению новых товаров, услуг, репутаций, имиджей и брендов, как часть государственных департаментов пропаганды или площадки для манипуляций общественным мнением силами неисчислимых рекламных, маркетинговых, политтехнологических, пиаровских и прочих агентств.

Борьба за гражданскую журналистику — это сопротивление колонизации СМИ со стороны государства и рынка, вдохновляемое мечтой о правовых и финансовых гарантиях независимости этого социального института.

Гражданская журналистика: понятие, направления, субъекты

Публика в целом сочувствует медиа-проектам, близким «стандартам BBC». Однако свобода слова в России так и остаётся декларированной ценностью. Рублём и вниманием массовая аудитория голосует за инфотеймент (развлекающие СМИ), а ищущие альтернативной информации уходят в прерии Интернета вместо того, чтобы увеличивать пространство солидарности вокруг независимых журналистских профсоюзов, правозащитных структур вроде Фонда защиты гласности или изданий, тянущих прямую линию в гравитационном поле капитала и власти.

Гражданская журналистика — это кибердиссидентство

В несвободных странах политическая элита держит СМИ под контролем и манипулирует общественным мнением, поставляя неполную, недостоверную или преднамеренно искажённую информацию. Официальному тиражированию подлежат только те версии событий, которые согласуются с правительственным курсом и воспроизводят консервативный консенсус. Как правило, это рано или поздно приводит к образованию альтернативных, фрондирующих или просто восполняющих новостные дефициты СМИ.

Сколько бы коварной, репрессивной и могущественной не была авторитарная власть, она не в состоянии полностью подавить спрос на «настоящую», то есть качественную, правдивую, критическую журналистику, противопоставляющую себя «царству джынсы и агитпропа».

Цветные революции в Восточной Европе, арабская весна, события в Юго-Восточной Азии показали, что современные IT-технологии позволяют не столько разрешать, сколько «огибать» проблемы, связанные со свободой слова и печати, с затруднённым доступом к значимой информации и деморализованным состоянием журналистского общества, униженного статусом коррумпированных медиапридворных.

С лёгкой руки международной организации «Репортёры без границ» феномен разоблачения политики ручных СМИ и популярности немодерируемых властями альтернативных медиаплощадок в сети Интернет получил название «кибердиссидентства». Этот термин подчёркивает вынужденную близость между оппозицией режиму и теми людьми или группами, что на свой страх и риск поставляют запрещённый текстовый,

фото- и видеоконтент для сочувствующих внутри страны и солидарных — за её пределами.

Диссиденты отдают себе отчёт в том, что неподцензурная деятельность в условиях диктатуры идентифицируется властями как экстремистская, подрывная, заказанная из-за рубежа, и потому, как правило, обречены сохранять анонимность, уделять много внимания аспектам компьютерной безопасности или мимикрировать под лояльных журналистов с фигой в кармане.

По мере демократизации публичной жизни умение читать между строк и вероятность твиттер-революций сходит на нет, а нишу кибердиссидентства занимают скандалы вокруг независимых журналистских расследований, проектов вроде Викиликс, калифорнийского Фонда Электронных Рубежей (защита цифровых прав человека и киберутопии) и др.

Гражданская журналистика — это одна из журналистских специализаций

В СМИ существует стандартная линейка рубрик: политика, бизнес, светская жизнь... Всё, что в них не укладывается, редакторы по привычке складывают на полосу с титулом «общество». Концепт гражданской журналистики позволяет этой рубрике придавать более чёткий смысл, агрегируя в ней известия, исходящие от самоорганизованной и предприимчивой общественности, а не от населения в целом.

Под общественностью в данном случае стоит понимать не только третий сектор (мир НПО, клубов, гуманитарных ассоциаций, социальных движений, профсоюзов, ТСЖ и др.), но и территорию действия неформальных объединений — инициативных групп, сетевых сред, активистских субкультур, а также облака сочувствующих одиночным лидерам общественного мнения.

Если верить, что средний класс постепенно начал обживать страну и сознавать персональную ответственность за решение проблем, не входящих в компетенцию властей и не покрываемых услугами рынка, то СМИ, безусловно, должны отражать этот процесс и даже опережать его, отмечая образцы ожидаемого гражданского поведения, поощряя альтруистические поступки и т. д.

В демократическом государстве общественность не нуждается во властителях дум или совестях нации. Она включает в себя бунтарей по натуре, бродячих глашатаев утопий или блаженных

Гражданская журналистика: понятие, направления, субъекты

подвижников, но её ядром являются профессиональные сотрудники, волонтеры и симпатизанты некоммерческих организаций, а также ситуативно сложившиеся команды, исчезающие после того, как мобилизовавшие их обстоятельства изменились в лучшую сторону (пример — беспрецедентные по масштабу акции солидарности в связи с лесными пожарами лета 2010 года).

Медийное освещение рутинной активности общественников новой формации, как правило, лишено ауры подпольного героизма и чрезвычайщины. Соответственно, миссия гражданской журналистики видится в том, чтобы анонсировать проекты и кампании третьего сектора, переводить с идиолектов правозащитного, экологического, миротворческого и прочих сообществ на язык массового сознания, помогать остужать народные

страсти и разрушать патерналистские установки. При желании возможно всё, а если не получается — происходит спокойный разбор полётов с приглашением экспертов, с изучением технологий лоббизма, народной дипломатии, гражданского контроля, кооперации и др.

В таком ключе работает Агентство Социальной Информации. А Пермская Гражданская Палата недавно собрала огромный архив гражданских успехов, подарив СМИ обширный список действующих лиц и их побед.

Гражданская журналистика — это медиа-активизм

Упрощение и удешевление доступа к IT-технологиям и так называемым «новым медиа» вывели на публичную сцену огромное количество людей, чьи голоса обычно звучали только в закутках частной жизни и сфере профессионального общения. Это радикальным образом изменило картину социального пространства: его реальность, ранее манифестирующая себя анонимно-вечерным шумом на площадях, аплодисментами в залах, результатами социологических опросов и политических голосований, внезапно рассыпалась на бесчисленное множество лиц и сообществ.

С разрастанием социальных связей, опосредованных компьютерами, мобильной телефонией, смартфонами и т.п., открылись шлагбаумы на границах между приватным и публичным, социальным и политическим, региональным и международным. Размышляя о векторе и последствиях этих процессов, одни видели в них симптом предельного разобщения и краха коммунитарности как таковой (а не только гражданственности), а другие — условие плавного перехода к более горизонтальному, не-иерархическому, свободному миру.

Из убеждённости в последнем появилась медиа-активизм как практика использования авангардных информационно-коммуникативных технологий для нужд классических социальных движений и зарождения новых гражданских авторов.

Виртуальные форумы и листы e-mail-рассылок, платформы, подобные Indymedia, бесплатные блогхостинги и социальные сети, микроблоггинг и Скайп действительно многократно увеличили радиус доверия и потенциал стихийно-низовых и самоорганизованных солидарных действий.

При помощи тактических медиа (децентрализованных и малобюджетных каналов массовой коммуникации) коор-

динировались многолюдные протестные акции антиглобалистов и противников войны в Ираке, устраивались впечатляющие по масштабу флешмобы во время ненасильственных цветных революций на постсоветском пространстве и народных восстаний в арабском мире.

Даже у заведомо маргинальных и отверженных в реале сообществ появился шанс быть услышанными и влиять на течение новостного мейнстрима. Возникла иллюзия, что целенаправленно проникая внутрь медиатизированной социальной ткани, порождая короткие замыкания в матрице традиционных порядков, эвакуируя молодёжь из зоны облучения «больших СМИ» в пластичное и «вольнлюбивое по своей природе» пространство кибервселенной, можно революционизировать общество поверх его жёсткого институционально-правового и политического каркаса.

Гражданская журналистика в свете этих упований выглядела как одна из ветвей медиа-активизма (наряду с разработками открытого программного обеспечения, проектами публикации и анализа открытых данных в целях гражданского контроля, клаудсорсингом и виртуальным волонтерством, концепциями электронного правительства и методиками проведения сетевых кампаний).

Наиболее восторженные энтузиасты онлайна даже предрекали, что повышение медиакомпетенций пользователей сети вскоре обанкротит прежнюю — затратную, бюрократизированную, сложноуправляемую — инфраструктуру третьего сектора и заменит её акционизмом мобильных сетевых команд, не отягощённых офисами и отчётностью перед органами госконтроля.

Однако, несмотря на тысячи примеров эффективной защиты прав и продвижения общественных интересов при помощи технологий медиа-активизма, у исследователей сохраняется скепсис. Наряду с преимуществами становятся заметнее и побочные действия: склонность веб-сообщества определять результативность действия на решении проблемы, а критериями цитируемости протестных жестов и высказываний в блогах и СМИ; переоценка влияния онлайн-среды на событийные сюжеты в реале; запредельный уровень информационного шума не позволяет отличать главное от второстепенного, что распыляет реформаторскую энергию или переводит её в режим виртуальной симуляции (second life); социальный и символический капитал, накопленный за счёт присутствия в блогосфере и социальных сетях, крайне редко конвертируется

в поддержку и т. д. Перенаселённость интернет-площадок — чуть ли не главная причина упадка гражданственности, поскольку они, как вампиры, втягивают «свежую кровь» и тем самым блокируют смену поколений в третьем секторе.

Как бы то ни было, следует признать, что всплеск интереса к медиа-активизму и порождаемой им социально-политической турбулентности (волнения, слухи, репутационные скандалы и др.) сильно повлияли на облик современных СМИ (ставка на интерактивность, мультимедийность, расширение числа спикеров и др.), характер взаимоотношений между обществом и властью, механизмы формирования общественного мнения, лидерства и репутаций.

Гражданская журналистика — это медийный психоанализ:

донесение объективно-важной информации, которую само общество агрессивно знать... не хочет.

В социуме, невротизированном репрессиями, войнами, террором и пытками, честный и профессиональный журналист обречён исполнять функцию эдакого коллективного психоаналитика, заставляющего «пациента» иметь дело с неудобными фактами и рефлексировать над пережитыми травмами. И это не менее рискованная, ответственная и трудная миссия, нежели роль watchdog — сторожевого пса, охраняющего жителей страны от потенциальной угрозы тирании.

От кибердиссидентства эту разновидность гражданской журналистики отличает объект критики и подозрения: в первом случае внимание акцентируется на демифологизации, открытости и транспарентности власти, во втором — на публику выносятся сведения и аргументы, идущие вразрез с массовыми представлениями о должном, со стереотипами фрустрированных социальных слоёв, с наступательной идентичностью агрессивных сообществ.

Подобная стратегия укрепляет иммунитет против дешёвого популизма и седлания коллективных психозов, сбивает градус страстей вокруг утопического прожектерства, останавливает моральные паники и ксенофобские эпидемии.

Гражданская журналистика — это прогрессивная публицистика («просветительская журналистика»)

У каждого из нас есть сотни статусно-ролевых ипостасей. «Быть

Гражданская журналистика: понятие, направления, субъекты

гражданином» — лишь одна из них. И не для всех она значима.

При рутинном течении времени уклонение от историчности и делегирование голоса при обсуждении общего блага объяснимо разделением труда и потребностью в индивидуализации. Однако в моменты аномии, деградации государственных институтов и роста социальной напряжённости обыватель осознаёт свою гражданскую ангажированность (зависимость личной биографии от состояния сообщества, к которому принадлежит), вынужден согласовывать с другими проекты необходимых антикризисных изменений и проявлять себя в качестве сотворца коллективной реальности, а не её безбилетного пассажира.

Журналистика занята воспроизводством чувствительности к материи социального, к её разрывам, швам и запла-

там. Пик популярности этого жанра, вращающегося не столько вокруг факта, сколько вокруг реалий коллективного воображения, приходится на момент зарождения (или реанимирования) гражданской нации. В Англии и Голландии это произошло в XVII веке, во Франции — в XVIII... Кто ж виноват, что на постсоветском пространстве nation-building ещё не закончен и на руинах империи по сей день то ускоряясь, то впадая в летаргию, идёт процесс зачатия граждан в колбах свежеспечённых государственных образований? И, соответственно, нам позарез нужны свои Вольтеры, Томасы Пейны, аббаты Прево, Джонатаны Свифты, Алексисы де Токвиле, интеллектуалы-просветители и «романисты воспитания».

Цели публицистики — ревизия нравов и закрепление неформальных социальных конвенций (норм обычного, неcodифицированного права), культивация доблестей, которые немцы называют *zivilcourage* (букв. гражданский кураж, гражданское мужество), и разметка ежедневно меняющегося пространства исторических альтернатив.

Гражданская журналистика — это пиар гражданских организаций

Семейное сходство с рекламой, пропагандой и т.п. гражданская журналистика приобретает в тех случаях, когда её трактуют как банальный пиар, вирусный и директ-маркетинг услуг гражданских НПО, социальных движений, профсоюзов и т. д. При этом не суть важно: каким образом подобное информ-сопровождение организовано — благодаря толковой работе пресслужбы или издательских программ НПО, через пул лояльных организации журналистов или прямые контакты с симпатизантами из числа пользователей социальных сетей.

В конце концов, современная информационная реальность такова, что без усилий по продвижению какие угодно, даже сверхценные по последствиям сведения рискуют потеряться, пройти незамеченными и т. д. И можно понять обиду исследователей, экспертов, аналитиков, кампейнеров третьего сектора, когда результат их долгого труда (доклады, записки, открытые письма и т. д.) провисает в эфире, попадают на 39-ые полосы, не цитируются в блогах и проч.

Так что пиар — не роскошь, а инструмент выживания в сверхнасыщенных и скоростных новостных потоках постмодерна. В нём особое место

занимают даже не традиционные media relations (системно выстроенные отношения с партнёрскими СМИ), а социальные медиа, позволяющие поддерживать связь с активистами, волонтерами, благотворителями без опосредования профессиональными редакциями (с их цензурой и фильтрами). ТВ, радио, печатная пресса хороши для превращения организации в бренд. Блоги и соцсети ощутимо полезны, если целью является воспроизводство организационной идентичности через обсуждение, открытое как для активистов НПО, так и для потенциальных сторонников.

Гражданская журналистика — это перформативная медиа-активность

Нельзя сказать, что такое определение часто встречается, но, похоже, оно наиболее близко к тому, что интуитивно нащупывает и намерена конкретизировать Сеть Гражданской Журналистики.

Концептуализация в данном случае идёт не от критериев профессионализма или дилетантизма, не от абсолютизации возможностей каких-либо информационных каналов или технических средств, не от выбора тех или иных target group. Точкой отсчёта для философии гражданской журналистики является видение медиаинструментов как средств, которые не только «отражают» и «перетолковывают» реальность, но и порождают её в прямом и переносном смысле. И потому крайне важно, в каких руках они находятся, с какими целями используются, какие опции социального развития активизируют.

Британский лингвист Джон Л. Остин ввёл в теорию языка термин «перформатив», чтобы выделить в общем массиве речевых актов такие высказывания, которые одновременно являются и поступками. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что это слова-действия, после произнесения которых ситуация делится на «до» и «после», слова, благодаря которым автор возвращает окружающим, что в такое-то действие будет инвестирована как минимум его персональная сила.

Примером перформатива в гражданской деятельности являются подписные петиции, манифесты, открытые письма, алгоритмизированные инструкции, поясняющие, как получить социально-значимый результат и многое другое. Для создания действующих текстов требуется сочетание качеств, которые чаще всего непарны: литературный дар и репортёрская чувствительность к повестке дня, экспертная глубина в зна-

нии предмета и активистский пафос вовлечённости в проблему или конфликт, креативность копирайтера и кругозор учёного-гуманитария. В готовом виде столь разносторонние люди редко встречаются. Остаётся надеяться, что роль гражданских журналистов возьмут на себя «кентавры», обладающие «двойными идентичностями». То есть те, в чьей биографии синтезируются противоречия журналистской, блоггерской, айтишной и собственно активистской идентичности.

Та же Сеть Гражданской Журналистики не нужна как контора для формального членства, пиар-агентство, профсоюз публицистов, доска для вывешивания объявлений о нуждах некоммерческих гуманитарных изданий или летучий отряд спин-докторов, разруливающих кризисные ситуации или проливающих свет на малые дела и гражданские подвиги. Мы не собираемся убеждать журналистов отложить в сторону фотокамеру, блокнот или портативный компьютер ради того, чтобы увеличить численность гражданских объединений или число участников уличного шествия. Так же мы не хотим становиться биржей труда для активистов, обладающих навыками письма, съёмок, аудиомонтажа и т. п. Замысел в другом.

В том, чтобы создать язык публичной сферы, пригодный для медиакритики, заключения общественного контракта между группами конфликтующих интересов, социальной эмансипации дискриминированных сообществ, защиты прав человека. В том, чтобы сократить разрастающуюся дистанцию между сетевой общественностью и миром классических гражданских организаций. В том, чтобы уберечь киберпространство от принудительного государственного регулирования и определить цифровые права человека с опорой на силу самоограничивающих норм. И, наконец, в том, чтобы «республика словесности», о необходимости которой так часто говорили публичные интеллектуалы по все стороны океанов, стала реальностью в жестах солидарности с жертвами цензурных ограничений, внесудебных преследований и медиаманипуляций.

Пора разгрести семиотический хаос, парализующий виртуальные проорывы в реальное будущее.